

Приложения

1. Влияние политических учреждений, поясненное примерами

Грабеж и мошенничество, два больших преступления, совершаемых в обществе, проистекают из: 1) крайней бедности, 2) тщеславия богатых, 3) их тирании. Эти преступления стали постоянными благодаря: 1) законодательству, 2) способу применения закона, 3) неравенству условий.

Влияние политических учреждений станет более очевидным, если мы изучим историю самых важных пороков, существующих в настоящее время в обществе, и если удастся доказать, что их устойчивость связана с политическим строем.

Два величайших злоупотребления, связанных с внутренней политикой народов, господствующих теперь в мире, заключаются, как мы считаем, в неправильном способе перехода собственности, как первоначально посредством насилия, так и вторично путем обмана. Если бы среди жителей какой-либо страны не существовало людей, желающих завладеть чужим имуществом, или если бы это желание не было так горячо и неутомимо, чтобы побуждать их к приобретению этого имущества способами, несовместимыми с порядком и справедливостью, то несомненно, что в этой стране преступления были бы известны только понаслышке. Если бы каждый человек мог с легкостью приобретать все необходимое для жизни и, приобретая, не испытывать тягостного стремления к излишествам, то искушение утратило бы свою силу. Частные интересы хорошо согласовались бы с общественным благом; гражданское общество приобрело бы все то, чем поэзия наделяет золотой век{47}. Исследуем начало, которому эти недостатки обязаны своим происхождением, и меры, которые помогут ослабить их или устранить.

Прежде всего надо заметить, что в самых культурных европейских государствах неравенство в распределении собственности достигло угрожающего размера. Большое число их жителей лишено почти всего того, что делает жизнь сносной или обеспеченной. Их величайшего трудолюбия едва ли достаточно для поддержания существования. Женщины и дети ложатся непереносимым бременем на труд мужчин, так что выражение «большая семья» стало в низшем слое общества равнозначно величайшей бедности и горю. Если к этому бремени прибавляется еще болезнь или какие-нибудь несчастные случаи, которые всегда возможны в деятельной и трудовой жизни, то нужда еще возрастает.

Существует представление, что в Англии меньше бедности и нужды, чем в большинстве европейских государств. В Англии налог для бедных{48} достигает суммы в два миллиона фунтов стерлингов в год. Было вычислено, что на каждые семь человек среди ее жителей один получает в какой-то период своей жизни помощь за счет этого фонда. Но это

соотношение еще значительно возрастет, если мы учтем людей, которые из гордости или же духа независимости, или за отсутствием юридического адреса не получают такой помощи, хотя и испытывают равную нищету.

Я не придаю значения точности этого расчета; факт сам по себе достаточен для того, чтобы дать нам представление о размере нужды. Вытекающие из нее беды не могут быть оспорены. Постоянная борьба со злом, проистекающим из бедности, не давая часто никаких результатов, естественно, приводит многих страдальцев к отчаянию. Тягостное ощущение своего бедственного положения само по себе лишает их способности преодолевать зло. Преимущества богатых, немилосердно используемые ими, естественно, приводят к возмездию; бедного человека доводят до того, что он начинает считать теперешнее состояние общества состоянием войны, несправедливой системой, созданной не для защиты всех людей в их правах и для обеспечения за ними средств к существованию, а для расширения преимуществ, предоставляемых немногим благоприятствуемым лицам, в то время как всем остальным предназначена нужда, зависимость и горе.

Другим источником разрушительных страстей, нарушающих мирное существование общества, являются роскошь, пышность и величавость, которые обычно сопровождают накопление колоссальных богатств. Человек способен бодро встречать значительные лишения, когда он разделяет их с остальным обществом и когда его не оскорбляет зрелище беспечности и достатка других людей, никоим образом не заслуживающих таких преимуществ в большей степени, чем он сам. Но тяжкие страдания людей еще возрастают, когда они вынуждены наблюдать чужие преимущества и, мучаясь от необходимости постоянно и тщетно стремиться к обеспечению себе и своим семьям самых жалких условий жизни, видят, как другие наслаждаются плодами чужого труда. При политическом устройстве, существующем в настоящее время, они неизменно несут это бремя. Существует обширный класс людей, которые, будучи богатыми, лишены как блестящих дарований, так и возвышенных достоинств; как бы высоко люди этого класса ни оценивали свое собственное воспитание, свойственную им деликатность, отличный лоск и изысканность своих манер, они все же втайне сознают, что не обладают никакими качествами, дающими им право на такие преимущества и основания для соблюдения дистанции между ними и низшими слоями, кроме пышности их экипажей, блеска обстановки и роскоши в их развлечениях. Бедного человека поражает такое показное богатство, он начинает остро ощущать свои невзгоды, ибо знает, как неутомимо он стремится получить свою небольшую долю в этом богатстве, и он приучается считать богатство счастьем. Бедняк не может поверить, что богатая одежда нередко прикрывает страдающее сердце.

Третий порок богатства, легко вызывающий недовольство бедных, заключается в дерзости богатых и в присвоении ими чужих прав. Если бы бедный человек проникся философским спокойствием, примирился во всех отношениях со своей судьбою, уверившись, что он не менее своего богатого соседа обладает всем необходимым для истинно достойного человеческого существования, то он стал бы считать все прочее не заслуживающим зависти. Кажется, что богатый не может удовлетвориться своими богатствами, если зрелище их не раздражает других; благородное чувство собственного достоинства, которое могло бы обделенному доставить спокойствие, становится средством раздражения его путем угнетения и несправедливостей. Во многих странах открыто признается, что

справедливости можно добиться посредством протекции, поэтому человек высокого положения, имеющий блестящие связи, почти безошибочно выигрывает дело против человека, не имеющего протекции и друзей. В тех странах, где подобной постыдной практики не существует, правосудие часто становится предметом дорогостоящей купли, и человек с толстым кошельком, как это там общеизвестно, одерживает победу. Естественно, что, зная эти факты, богатые перестают опасаться нарушить права бедных в своих делах с ними и исполняются духа властного, диктаторского и тиранического. Однако такое косвенное угнетение перестает удовлетворять их деспотические склонности. Во всех подобных странах богатые прямо или косвенно оказываются обладателями законодательной власти в государстве; естественно, что они постепенно превращают угнетение, в систему и лишают бедных тех немногих, так сказать, природных прав, которыми иначе они продолжали бы пользоваться.

Взгляды отдельных людей, а, следовательно, и их желания, потому что желание — это не что иное, как взгляд, созревший для превращения в действие, всегда будут в значительной степени регулироваться взглядами всего общества. Но нравы, господствующие во многих странах, как будто бы точно рассчитаны для того, чтобы внушать убеждение, будто честность, порядочность, разумность и усердие являются ничем, а богатство — это все. Разве может человек, внешность которого свидетельствует о нужде, рассчитывать на хороший прием в обществе, особенно в обществе людей, диктующих свою волю остальным? Представим себе, что он почувствует необходимость в их содействии и доброжелательстве. Ему немедленно покажут, что никакие достоинства не могут возместить скромную внешность. Урок, внушаемый ему, гласит: иди домой, обогатись любым способом, приобрети предметы роскоши, считающиеся достойными уважения, и тогда ты можешь быть уверенным в дружеском приеме. В соответствии с этим, бедность в таких странах считается величайшим пороком. Ее стремятся избегнуть с рвением, не позволяющим совести быть слишком разборчивой. Ее скрывают как самый неоспоримый порок. В то время как один человек выбирает путь ничем не ограниченного накопления, другой предается расточительности, которая должна внушить обществу преувеличенное представление о его богатстве. Он спешит сделать реальной ту бедность, проявлений которой он так боится, и вместе со своим имуществом жертвует своей честностью, правдивостью и репутацией, хотя они-то и могли бы утешить его в обрушившейся на него напасти. Таковы причины, которые в разной степени при разных правительствах, существующих в мире, побуждают людей явно или тайно посягать на чужую собственность. Посмотрим, позволяет ли политический строй уменьшить их воздействие или способствует их усилению и притом насколько.

Все, что имеет тенденцию сокращать бедствия, связанные с бедностью, сокращает в то же время бессмысленные желания и огромное накопление богатств. К богатству не стремятся ради него самого и редко добиваются его ради чувственных удовольствий, им доставаемых. Его домогаются по той же причине, по которой обычно способные люди стремятся получить знания, умение и опытность, т. е. из любви к почету и из страха перед пренебрежением. Как мало людей ценило бы обладание богатством, если бы они были обречены пользоваться своими экипажами, дворцами и увеселениями в одиночестве, так что никакой чужой глаз не восхищался бы их великолепием и ни один жалкий наблюдатель не направил бы весь свой восторг на лесть собственнику. Если бы не считалось, что преклонение представляет исключительную привилегию богатства, а пренебрежение — неизменного спутника

бедности, то стремление к выгодам перестало бы составлять всеобщую страсть. Посмотрим, каким образом политический строй способствует этой страсти.

Прежде всего, почти во всех странах законодательство явно потворствует богатым против бедных. Таковы законы, касающиеся охоты{49}; они запрещают трудолюбивому селянину убивать животных, которые уничтожают все его расчеты на сбор будущих средств пропитания, и они же мешают ему снабдить себя пищей, помимо его воли появляющейся на его пути. Таков же дух последних законов о доходе во Франции{50}, которые в некоторых своих предписаниях ложатся всей своей тяжестью исключительно на людей скромных и трудовых и изымают из сферы своего воздействия тех, кто легче всего мог бы выдержать их бремя. Так же точно в настоящий момент в Англии поземельный налог{51} дает на полмиллиона меньше, чем век тому назад, в то время как налоги на потребление подверглись росту на тринадцать миллионов в год за тот же самый период. Это представляет собой попытку, независимо от того насколько она успешна, перенести налоговое бремя с богатого на бедного и в качестве таковой характеризует дух законодательства. Исходя из того же принципа, грабеж и другие преступления, которые богатая часть общества не испытывает искушений совершать, рассматриваются как тягчайшие и караются очень строго, подчас даже нечеловечно. Богатых поощряют в их объединениях, предназначенных для осуществления самых пристрастных и притеснительных законов. Право на монополии и патенты широко раздаются тем, кто может заплатить за них. В то же время с величайшей бдительностью предупреждаются объединения бедных с целью установления платы за труд, и они лишаются возможности осторожно и разумно выбирать поле деятельности. Во-вторых, судебная практика не менее несправедлива, чем принцип, положенный в основу законов.

При последнем французском правительстве должность судьи представляла предмет купли, отчасти в виде открытой уплаты соответствующей цены короне, частью же в виде тайной взятки, даваемой министру. Тот, кто хорошо знал рынок, где происходил розничный торг правосудием, мог позволить себе дать наивысшую цену при покупке добрых его услуг. Для клиента правосудие открыто стало предметом личных домогательств, так что влиятельный друг, красивая женщина или соответствующий подарок имели несравненно большее значение, чем правота дела. В Англии, поскольку вопрос идет о самом судоговорении, уголовный закон применяется с достаточной степенью беспристрастия; но и здесь число преступлений, караемых смертью, и вследствие этого частые случаи помилования открывают большие возможности для протекции и злоупотреблений. В делах, относящихся к собственности, судебная практика привела к такому положению, что правосудие оказывается недостижимым. Затягивание дел в суде лорда-канцлера, многочисленные апелляции от суда к суду, огромные вознаграждения адвокатам, стряпчим, секретарям, клеркам, стоимость составления выдержек из дела, исковых заявлений, возражений и ответов, совместно с тем, что порой называлось великолепной неопределенностью закона, заставляют считать более разумным отказ от собственности, чем спор за нее, и во всяком случае лишают обедневшего истца самой слабой надежды на восстановление в правах. Целесообразнее всего было бы обеспечить за всеми видами судебного спора дешевизну и быстроту решений, что совместно с независимостью судей и немногочисленными, явно необходимыми изменениями в способах составления коллегий присяжных обеспечило бы правильное применение общих норм закона ко всем отдельным людям, невзирая на их

состояние и положение.

В-третьих, неравенство состояний, обычно поддерживаемое политическим строем, в значительной степени способствует сохранению ложного представления о превосходстве богатых. В древних восточных монархиях, как и в Турции до настоящего времени, высокое положение всегда вызывало безотчетное почтение. Робкие жители трепетали перед высшими по положению; они сочли бы почти кощунственной попытку приподнять покрывало, накинутое властным сатрапом на его бесславное происхождение. Те же начала преобладали при феодальной системе. Вассал, который рассматривался как род живого инвентаря в поместьях и не мог оспаривать произвольные решения своего лорда, едва ли дерзнул бы заподозрить, что сам принадлежит к одной с ним породе. Это создало противоестественное и насильственно сохраняемое положение. Но человек имеет склонность заглядывать глубже поверхности вещей и исследовать причины успеха выскочек и удачников. В Англии в теперешнее время мало найдется бедняков, которые не утешались бы своим правом порицать людей, поднявшихся над ними. Новоиспеченный джентльмен ни в коем случае не чувствует себя защищенным от меткого и острого сарказма бедняков. Такую склонность людей можно легко поощрить и направить на самые благотворные цели. Как известно из истории некоторых стран, каждому человеку можно внушить сознание его принадлежности к общему гражданству и заставить его почувствовать себя деятельным и полезным членом целого. Тогда бедняк поймет, что, даже отстранив его, нельзя его раздавить, и перестанет испытывать яростные чувства зависти обиды и отчаяния.

Книга I, глава V.

2. Общество и правительство

Сущность исследования.— Способ проведения его.— Различие между обществом и правительством.

Локк начинает свой знаменитый «Трактат о правительстве»^{52} с отрицания патриархальной системы Роберта Фильмера^{53}; расчистив себе таким путем почву, он переходит к утверждению, что «тот, кто не желает признать мысль, что все правительства в мире являются следствием принуждения и насилия и что совместная жизнь людей управляется теми же законами, как у зверей, — должен по необходимости установить другую причину возникновения правительств и появления политической власти»^[21]. В соответствии с этим он большую часть своего трактата посвящает отвлеченному рассуждению о предполагаемой им ранней истории человечества и приходит к заключению, что ни одно законное правительство не могло быть создано на иной первоначальной основе, кроме договора.

[21] Кн. II, гл. i, § 1.

Можно подозревать, что этот великий человек, друг свободы и защитник интересов человечества, непреклонный и прозорливый в своих поисках истины, совершил оплошность при первых же шагах в своем исследовании.

Есть два способа, которыми можно исследовать причины возникновения общества и правительства. Мы можем либо рассматривать их с исторической точки зрения, т. е. изучать, каким способом они возникли или должны были возникнуть, как это делает Локк; или же изучать их философски, т. е. исследовать те нравственные начала, на которых они основаны. Первая проблема не лишена значения, но вторая имеет более высокий смысл и более существенное содержание. Первая представляет вопрос формы, вторая дает самую сущность. С практической точки зрения не имело бы большого значения, из какого источника возникла та или иная форма общества и каким способом заложенные в ней начала стали действовать, если бы мы всегда могли быть уверены в их соответствии требованиям истины и справедливости.

Прежде чем приступить к своей задаче, надо тщательно установить различие между обществом и правительством. Первоначально люди объединились в целях взаимного содействия. Они не могли предвидеть, что потребуются какие-либо меры принуждения для регулирования поведения отдельных членов общества в отношении друг к другу или ко всему в целом.

Необходимость принуждения возникла из ошибок и испорченности немногих. Один проницательный писатель очень удачно выразил эту мысль. «Общество и правительство, — говорит он — различны сами по себе и имеют разное происхождение. Общество возникло из наших потребностей, а правительство—из нашей безнравственности. Общество всегда благо, правительство же даже в лучшем своем виде — неизбежное зло»[22].

[22] «Здравый смысл»{54}.

Книга II, глава I. Введение.

3. О равенстве человеческого рода

Физическое равенство.— Возражение.— Ответы.— Моральное равенство.— Его ограничение.— Область политической справедливости.

Люди равны не только физически и не только морально. Их физическое равенство может быть рассматриваемо с точки зрения их телесной силы или умственных способностей. Это утверждение подвергалось нападкам и возражениям. Говорилось, «что из нашего опыта вытекает отрицание такого равенства. Среди индивидуумов нашего рода мы фактически не можем найти двух одинаковых. Один человек силен, а другой слаб. Один человек умен, а другой глуп. Все существующее в мире неравенство условий должно быть возведено к указанному, как к своему источнику. Сильный человек обладает возможностью подчинять себе, а слабый испытывает потребность в союзнике для своей защиты. Отсюда неизбежный вывод: равенство условий — это химерическое предположение, которое не может быть практически осуществлено, а если бы его и возможно было осуществить, это было бы нежелательно».

В ответ на это утверждение надо сделать два замечания. Во-первых, это неравенство было первоначально гораздо меньшим, чем теперь. Когда люди были нецивилизованны, то не

существовало болезней, изнеженности и роскоши, и в итоге каждый человек гораздо меньше отличался по силе от своего соседа, чем теперь. Когда люди были нецивилизованны, их разум был ограничен, их потребности, мысли и взгляды оставались почти одинаковыми. Надо было ожидать, что при первом их отходе от такого состояния возникнут сами по себе большие неправильности; возросшая мудрость и совершенствование должны преследовать задачу их уничтожения.

Во-вторых, несмотря на происшедшее нарушение равенства людей, все же продолжает существовать большое и существенное равенство. Среди людей не имеется такого разрыва, который позволял бы одному человеку держать в подчинении несколько других людей, кроме случая, когда они сами согласны на это. Всякое правительство опирается на общественное мнение. Люди сейчас живут при определенной форме управления, потому что они считают ее соответствующей своим интересам. Конечно, какая-нибудь часть общества или государства может быть подавлена силой, но это не личная сила деспота; это должна быть сила другой части общества, считающей, что в своих интересах ей следует поддерживать его власть. Разрушите это общественное мнение, и все здание, сооруженное на его основе, распадется. Из этого следует, что люди по существу независимы. Все сказанное относится к физическому равенству.

Моральное равенство с разумной точки зрения еще менее подвержено ограничениям. Под моральным равенством я понимаю принцип применения единого неизменного правила справедливости ко всем могущим возникнуть случаям. Этот принцип не может подлежать сомнению, если не прибегать к доводам, ниспровергающим самую сущность добродетели. Утверждают, что «равенство будет невразумительной фикцией до тех пор, пока способности людей остаются различны и предъявляемые ими притязания лишены гарантий или санкций, с помощью которых их можно было бы осуществить»[23]. Но бесспорно, что принцип справедливости сам по себе совершенно вразумителен, независимо от того, осуществлен ли он или нет на практике. Начала справедливости относятся к существам, наделенным умением познавать и способным испытывать удовольствие и страдание. Из самой природы этих существ, независимо от насильственного государственного устройства, непосредственно вытекает, что удовольствия им приятны, а страдания ненавистны, удовольствие желательно, а страдание нужно избегать. Поэтому будет справедливо и разумно, чтобы эти существа содействовали, поскольку это в их силах, взаимному удовольствию и пользе. Некоторые из удовольствий более высокого рода, чем другие, более чисты и надежны. Правильно было бы их предпочитать.

[23] «Говорят, что мы все имеем одинаковые права. Я не понимаю, что такое одинаковые права, раз существует неравенство дарований или силы и не существует никакой гарантии, никакой санкции». *Рейналь*. Американская революция{55}.

Из этих простых начал можно вывести утверждение о моральном равенстве людей. Мы все обладаем одинаковой природой, и те обстоятельства, которые содействуют пользе одного человека, содействуют пользе другого. Наши чувства и способности одинаковы. Поэтому удовольствия и страдания должны быть одни и те же у всех. Мы все наделены разумом, мы способны сравнивать, судить и делать выводы. Поэтому усовершенствования, желанные для одного, желанны и для другого. Мы сумеем быть предусмотрительными в отношении самих

себя и стать полезными друг другу в той степени, в какой подыдемся над духом предрассудков. Та независимость, та свобода от всякого принуждения, которое могло бы помешать нам дать волю собственному разумению или высказывать во всех случаях то, что мы считаем правильным, приведет к совершенствованию всех людей. Имеется известные возможности и известные положения, наиболее благоприятные для всех человеческих существ, которыми по справедливости надо дать воспользоваться всем, во всяком случае в той мере, в какой это допускается общими условиями.

Существует действительно один вид морального неравенства, соответствующий физическому неравенству, только что описанному. Люди имеют право на такое отношение к себе, которое определяется их заслугами и их добродетелями. Страна, где к благодетелю людей стали бы относиться так же, как к их врагу, не могла бы стать вместилищем мудрости и разума. Но, в сущности, это различие, отнюдь не находящееся в противоречии с равенством в каком бы то ни было смысле, только благоприятствует ему и в соответствии с этим известно под названием справедливости, причем это слово имеет общее происхождение со словом равенство[24]. Хотя в каком-то смысле описанное условие составляет отклонение от равенства, но оно преследует ту же цель, что и принцип равенства, — цель, составляющую все достоинство этого принципа. Это отклонение лишь вложит в душу каждого стремление к соревнованию в совершенствовании. Надо только стремиться к тому, чтобы были устранены как можно полнее все произвольные различия между людьми с тем, чтобы поле деятельности было беспрепятственно предоставлено дарованиям и добродетелям. Мы должны стремиться к тому, чтобы всем открыть одинаковые возможности, и оказывать всем равное содействие, отдавая должное общему интересу и признавая решения наилучших.

[24] Equality и equity — равенство и справедливость по по-английски.— *Прим. переводчика.*

Книга II, глава IV.

4. О революции

Обязанность поддерживать конституцию нашей страны должна быть обусловлена либо соображениями разума, либо же личными чувствами и местными привязанностями.—

Рассмотрение первых и вторых.

Не существует более важного вопроса, чем лучший способ совершения революций. Но прежде чем приступить к нему, надлежит устранить одну трудность, которая приходит на ум некоторым людям, — именно, в какой степени, вообще говоря, нам следует сочувствовать революции, или, иными словами, оправдано ли враждебное отношение человека к конституции его страны.

Говорят, что «мы живем под охраной этой конституции, а так как такая охрана представляет благо, то она обязывает нас ко взаимности в виде ее поддержки».

На это можно, во-первых, ответить, что такая охрана представляет собой нечто весьма двусмысленное; до тех пор пока не будет доказано, что те пороки, от воздействия которых

она нас защищает, не вызваны по большей части самой этой конституцией, мы не сумеем должным образом постигнуть сумму обеспечиваемых ею благ.

Во-вторых, благодарность является пороком, а не добродетелью. Все люди и все объединения людей должны встречать с нашей стороны такое отношение, которое вытекает из их истинных качеств и достоинств, а не из правил, связанных с их отношением к нам самим.

В-третьих, прибавьте к этому, что нет мотивов более двусмысленных, чем рекомендуемая здесь благодарность. Благодарность в отношении конституции, представляющей собой отвлеченную идею и имеющей воображаемое существование, вообще непостижима. Любовь к своим соотечественникам будет гораздо более убедительно доказана мною стараниями принести им существенную пользу, чем поддержкой системы, которая, по моему мнению, влечет за собой гибельные последствия.

Человек, призывающий меня поддерживать эту конституцию, должен обосновать свой призыв одним из двух принципов. Она может претендовать на мою поддержку, либо потому, что она хороша, либо же потому, что она английская. В первом случае против такого требования ничего нельзя возразить. Следует лишь доказать наличие хороших качеств, приписываемых ей. Но можно сделать и такое возражение, «что хотя она не абсолютно хороша, но попытки ниспровергнуть ее поведут к большему злу, чем сохранение ее при ее двойственном характере, составленном из смеси хорошего с дурным». Если бы это было доказано, то мне, бесспорно, оставалось бы только уступить. Однако об этом зле я мог бы судить лишь после его изучения. Одним злом, связанное с революцией, может казаться большим, другим — меньшим. Одни считают, что пороки, которыми чревата английская конституция, велики, другие же думают, что она почти безвредна. Прежде чем сделать выбор между этими двумя противоположными мнениями и взвесить существующее и возможное зло, мне надлежит самому изучить этот вопрос. Но такое изучение по своему характеру ведет к неопределенным результатам. Если бы я вынес решение прежде, чем установил, в пользу какой стороны оно должно выпасть, то это бы значило, что в точном смысле слова я вообще не произвел расследования.

Человека, желающего революцию ради нее самой, надо считать сумасшедшим. Но тот, кто желает ее из глубокого убеждения в ее полезности и необходимости, имеет право претендовать на наше признание и уважение.

Что касается требования поддерживать английскую конституцию потому только, что она английская, то в таком доводе мало убедительности. Оно подобно предъявляемому ко мне требованию быть христианином, потому что я британец, или быть мусульманином, потому что я родился в Турции. Вместо свидетельства уважения, оно служит знаком презрения ко всякому правительству, к религии и добродетели, и ко всему тому, что считается священным у людей. Если вообще существует то, что называется истиной, то она должна быть лучше заблуждения. Если вообще существует то, что называется разумом, то им надо пользоваться. Но приведенное требование делает истину совершенно излишней и мешает нам пользоваться нашим разумом. Если люди рассуждают и думают, то обязательно должно случиться, что либо англичанин либо турок сочтет свое правительство отвратительным, а

свою религию ложной. Для чего нужен разум, если надо скрывать те выводы, к которым он нас приводит? Каким путем могли бы люди достичь до теперешних своих достижений, если бы они всегда удовлетворялись тем состоянием общества, при котором им случилось родиться? Одним словом, либо разум представляет проклятие нашего рода и человеческая натура должна вызывать ужас, либо же нам надлежит пользоваться своим рассудком, действовать в соответствии с ним и следовать истине, куда бы она нас ни привела. Она не может привести нас ко злу, так как полезность, поскольку дело касается мыслящих существ, представляет единственную основу для моральной и политической правды.

Книга IV, глава II, раздел 1.

5. Демократия и путь к совершенствованию

Нельзя измыслить такую форму правления, которая не имела бы свойств монархии, аристократии или демократии. Невозможно представить себе более тяжелые или более устойчивые бедствия для человечества, чем вызываемые первыми двумя формами правления. Нельзя вообразить такие несправедливости, падения и пороки, которые превзошли бы прямые и неизбежные последствия принципов, лежащих в основе монархии и аристократии. Если бы, конечно, существовали какие-нибудь основания, чтобы поставить демократию на один уровень с такими чудовищными формами правления, как монархия и аристократия, которые чужды как честности, так и разумности, то наши надежды на будущее счастье человечества были бы плачевными.

Но это не так. Предположим, что мы вынуждены будем установить демократию со всеми связанными с ней недостатками, причем не будет найдено никаких средств для их устранения; но даже при этом условии демократия много более желательна, чем господство других форм.

Возьмем, например, Афины со всеми их волнениями и беспорядками, вспомним угодную народу и умеренную узурпацию власти со стороны Пизистрата{56}, и Перикла{57}, чудовищный остракизм{58}, который приучил их с самой низкой несправедливостью периодически изгонять выдающихся граждан без всякого обвинения, заключение в тюрьму Миль-тиада{59}, изгнание Аристиды{60} и убийство Фокиона{61}, и все же, при всех этих ошибках, совершенных ими, Афины бесспорно дают более замечательную и достойную зависти картину, чем все когда-либо существовавшие монархии и аристократии. Разве сможет кто-нибудь отрицать их любовь к добродетелям и независимости только потому, что ее сопровождали некоторые ошибки? Разве сможет кто-нибудь безоговорочно осудить проницательный ум афинян, их живое понимание и сильные чувства только потому, что порой они были несдержанны и порывисты? Разве можно сравнивать народ, имевший такие большие достижения, народ изумительно утонченный, народ веселый без чрезмерности и блестящий без невоздержанности, народ, среди которого выросли величайшие поэты, благороднейшие художники, совершеннейшие ораторы и политические писатели и самые беспристрастные философы из всех, когда-либо живших в мире, разве можно сравнивать это избранное местопребывание чувств патриотизма и независимости и благородных доблестей с тупыми и себялюбивыми монархическими и аристократическими государствами? Не всякий покой — счастье. Лучше немного волнений и беспокойства, чем

застой, чуждый доблести.

Обычно при оценке демократии совершают одну очевидную ошибку, которая заключается в том, что человечество принимают таким, каким его сделали монархия и аристократия, и из этого исходят при суждении об его способности самому законодательствовать. Монархия и аристократия не были бы злом, если бы они не имели свойства подрывать добродетели и рассудительность своих подданных. Необходимо устранить всякую узду, которая мешает духу совершать естественный для него полет. Безмолвное повиновение, слепое подчинение власти, робкая боязливость, недоверие к своим силам, пренебрежение к собственному значению и добрым целям, которые мы способны достигнуть, — все это основные препятствия для совершенствования человека. Демократия восстанавливает у человека сознание своего значения, устраняя авторитеты и угнетение, учит его прислушиваться только к велениям разума, дает ему смелость для того, чтобы рассматривать всех остальных людей как сограждан, и побуждает его не считать их более врагами, против которых надо быть на страже, но братьями, которым надлежит помогать. Гражданин демократического государства, видя жалкий гнет и несправедливость, господствующие в странах вокруг, не может не испытывать невыразимой признательности за преимущества, которыми он пользуется, и, конечно, преисполнится твердой решимости сохранить их при всех обстоятельствах. Влияние демократии на мнения ее членов всецело негативно, но его последствия неисчислимы. Нельзя представить себе ничего более неразумного, чем суждение по современному человеку о том человеке, каким он будет впоследствии. Точное и строгое рассуждение заставило бы нас прежде всего удивиться, что в Афинах было так много несовершенства, вместо того чтобы поражаться, что Афины так многого достигли.

Путь к совершенствованию человеческого рода в высшей степени прост, он заключается в том, чтобы говорить правду и действовать правдиво. Если бы афиняне больше следовали этому правилу, то они не могли бы так явно заблуждаться. Говорить правду во всех случаях без всяких ограничений, отправлять правосудие без всякого пристрастия — это такие принципы, которые при своем неуклонном применении окажутся самыми плодотворными из всех возможных. Они просвещают разум, придают силу суждению и лишают клевету всякого правдоподобия и вероятности. Нет ничего более достоверного, чем всемогущество правды или, иными словами, чем связь между суждением и внешним поведением. Если наука окажется способной к постоянному совершенствованию, то и человек также окажется способным беспрерывно увеличивать свою практическую мудрость и справедливость. Признайте только способность человека к совершенствованию, и из этого неизбежно последует, что мы должны идти к такому состоянию, когда правда будет так хорошо известна, что ее нельзя будет исказить, а справедливость станет настолько обычной, что ей не захотят произвольно противодействовать. После серьезных размышлений мы не видим оснований думать, что это состояние так от нас отдалено, как первоначально нам это могло казаться. Заблуждения прежде всего обязаны своим постоянством социальным учреждениям. Если бы люди были предоставлены работе их собственного ума без попыток регулировать его при помощи каких бы то ни было общественных установлений, то в недалеком будущем человечество решилось бы внимать правде. Состязание между правдой и ложью само по себе слишком неравно, так что правда не нуждается в поддержке какого бы то ни было политического союзника. Чем больше будет она открываться, особенно в той своей части, которая относится к человеку в обществе, тем она станет казаться проще и

очевиднее; тогда покажется Невозможным объяснить как-нибудь иначе то обстоятельство, что она так долго оставалась скрытой, чем гибельным влиянием политического строя.

Книга V, глава XIV. Отрывок.

6. Будущее политических обществ

Количество необходимой администрации, которое должно быть сохранено.— Задачи администрации: национальная слава.— Соперничество народов.— Выводы: 1) нежелательность осложнения органов власти, 2) чрезмерная территория излишня, 3) принуждение и его пределы.— План устройства правительства: полиция и защита.

Мы попытались вывести некоторые общие принципы, касающиеся ряда вопросов, связанных с законодательной и исполнительной властью. Но остается одна очень важная тема, которую предстоит еще обсудить. Именно, в каких пределах интересы общества требуют сохранения обеих этих властей?

Мы уже видели, что единственной закономерной задачей политических учреждений является благо индивидуумов. Все то, что им не нужно, как национальное богатство, благосостояние и слава, приносит пользу только корыстным обманщикам, которые с самых ранних времен омрачали разум человечества для того, чтобы беспрепятственно погрузить его в унижение и бедствия.

Стремление расширить свою территорию, завоевать или держать в подчинении своих соседей, превзойти их в ремеслах или в военном деле основано на предрассудках и заблуждениях. Власть не составляет счастья. Спокойствие и мир желательнее, чем страх, внушаемый другим народам. Люди — братья. Мы объединяемся на определенной территории или в определенном климате, потому что такое объединение требуется для безопасности нашей внутренней жизни или для защиты себя от ничем не вызванного нападения со стороны общего врага. Но соперничество народов представляет продукт воображения. Если нашей целью служит обогащение, то ведь богатство может быть создано только торговлей; чем больше будет возможности у наших соседей покупать, тем больше мы сумеем продавать. Все люди заинтересованы в общем благосостоянии.

Чем лучше мы поймем свои собственные интересы, тем меньше мы будем склонны нарушать мир наших соседей. Тот же принцип применим и к ним. Поэтому нам надо желать, чтобы они были мудры. Но мудрость представляет плод равенства и независимости, а не оскорбления и угнетения. Если бы угнетение могло быть школой мудрости, то человечество достигло бы огромного совершенства, так как оно проходило эту школу в течение многих тысячелетий. Поэтому нам надо стремиться к тому, чтобы наши соседи были независимы. Мы должны желать, чтобы они были свободны; ведь войны возникают не из склонностей народов, свободных от пристрастий, а из интриг правительств и из стремлений, внушаемых ими народам. Если сосед вторгнется на нашу территорию, то мы должны только стремиться к изгнанию его, а для этого нам нет надобности превосходить его в доблести, поскольку на нашей собственной земле он будет находиться в более трудных условиях, чем мы, не говоря уже о том, что весьма неправдоподобно предположение, будто какой-нибудь народ может

подвергнуться нападению со стороны другого до тех пор, пока он соблюдает благоразумие, справедливость и умеренность.

Пока народы не доведены до состояния открытой вражды, их взаимная ревность представляет маловразумительную химеру. Я живу в определенном месте, потому что это место больше всего благоприятствует моему счастью или моей полезности. Я заинтересован в политической справедливости и в добродетели человеческого рода, потому что он состоит из людей, т. е. из существ, в высокой степени способных к справедливости и к добродетели; вероятно, я имею дополнительные основания интересоваться теми людьми, которые находятся под властью того же правительства, что и я сам, так как я лучше могу понять их стремления и более способен содействовать им. Но, конечно, у меня нет оснований причинять страдания другим народам, поскольку они сами не совершают определенных актов несправедливости. Цель здоровой политики и нравственности заключается в сближении людей, а не в разделении их, в сочетании их интересов, а не в противопоставлении их.

Общение между отдельными людьми никогда не может считаться слишком интенсивным или подлежащим ограничению; но человеческие общества не нуждаются в том, чтобы вступать во взаимные объяснения и согласования, кроме тех случаев, когда ошибки и насилия делают такие объяснения необходимыми. Это соображение позволяет сразу отбросить основные цели той таинственной и нечестной политики, которая до сих пор поглощает внимание правительств. Перед лицом этой истины должны исчезнуть офицеры армии и флота, послы и уполномоченные, целый ряд искусственных выдумок, созданных для того, чтобы держать в страхе другие народы, чтобы проникать в их тайны, противодействовать их махинациям, создавать союзы и контрсоюзы.

Расширению органов власти будет положен предел, а вместе с тем будет устранена возможность угнетения подданных и нарушения их воли.

Одновременно полностью устраняется другое постыдное заблуждение политической науки, относящееся к вопросу о количестве территории из расчета на душу населения, о чем поочередно спорили философы и моралисты. Они рассуждали о том, кто более способен обеспечить население площадью, монархия или демократическое правительство. При будущем усовершенствовании человечество, как надо ожидать, будет иметь одинаковые по форме правительства в разных странах, потому что люди обладают одинаковыми способностями и имеют одни и те же потребности; отдельные правительства будут распространять свою власть на небольшую территорию, потому что люди хорошо знают интересы своих соседей и могут лучше к ним приспособиться. Нельзя представить себе никаких доводов, в пользу того, чтобы предпочесть обширную территорию более ограниченной, за исключением соображения внешней безопасности.

Каковы бы ни были отрицательные стороны отвлеченной идеи власти, все они крайне обостряются при территориальном расширении ее юрисдикции и, напротив, смягчаются при обратном явлении. Честолюбие, которое в первом случае становится страшнее чумы, не имеет возможности проявить себя во втором случае. Народные смятения подобны волнам моря, которые при широком пространстве могут вызывать самые страшные последствия, но

оказываются кроткими и безвредными, когда они ограничены поверхностью маленького озера. Умеренность и справедливость являются очевидными свойствами ограниченного круга.

Конечно, можно возразить, «что таланты представляют порождение больших страстей и что среди спокойной посредственности незначительной республики силы интеллекта будут обречены на бездействие». Если бы это возражение было основательно, то оно нуждалось бы в самом серьезном рассмотрении. Но надо принять во внимание, что при выставленной здесь гипотезе все человечество составит в некотором роде одну великую республику, и поэтому перспективы людей, которые захотят благотворно воздействовать на все широкое общественное мнение, окажутся как нельзя более благоприятными. В течение того периода, когда новые условия будут создаваться, но еще не достигнут своего завершения, несправедливость, наблюдаемая у наших соседей, представит дополнительный стимул для наших усилий[25].

[25] Указанное возражение будет подробно обсуждено в восьмой книге настоящей работы.

Честолюбие и смуты составляют зло, возникающее как косвенный результат деятельности правительства; это зло является следствием привычек и внушается правительством, его материальным воздействием, простирающимся на множество людей. Имеются и другие беды, неотделимые от существования власти. Задача правительства заключается в подавлении насилия как внешнего, так и внутреннего. Это насилие могло бы разрушить или подвергнуть опасности благополучие общества или его членов; средство, к которому правительство прибегает, также заключается в насилии, но носящем более регулируемый характер. Для этого возникает надобность в концентрации индивидуальной силы, и обычно такая концентрация достигается при помощи принуждения. Зло, создаваемое принуждением, было рассмотрено уже прежде[26]. Принуждение, применяемое в отношении преступников или лиц которым приписываются преступления, ни в коем случае не может обойтись без вредных последствий. Принуждение, применяемое большинством общества в отношении его меньшинства, которое расходится с ним в некоторых вопросах общественного блага, очевидно ведет к возбуждению еще большего разномыслия.

[26] Кн. II, гл. VI{62}.

Оба эти явления проистекают из одного общего начала. Несомненно, что преступление представляет не что иное, как ошибку суждения, и потому не может быть оправдана попытка исправить его с помощью силы, кроме случаев крайней необходимости. Заблуждение меньшинства подходит как раз к только что описанному случаю, хотя его заблуждение может и не быть столь значительным. Тем более необходимость в принуждении редко может быть настоящей. Если бы, например, мысль об отколе меньшинства была несколько более привычна мышлению людей, то редко отложение такого меньшинства могло бы вызвать сколько-нибудь сравнимые по вреду последствия с тем злом, которое создается преступным нарушением самых основных принципов общественной справедливости. Описанные явления подобны случаям оборонительной и наступательной войны. Применяя средства принуждения в отношении меньшинства, мы уступаем голосу подозрительности, нашептывающему нам, что враждебная сторона может впоследствии

причинить нам в чем-то вред, так что мы стремимся предупредить такую возможность. Прибегая к принуждению в отношении преступника, мы как бы изгоняем врага, вступившего на нашу территорию и отказывающегося покинуть ее.

Правительство может ставить перед собой только две законные задачи, именно: устранение несправедливости, совершенной в отношении отдельных лиц внутри общества, и общая защита всех против вторжения извне. Первая из этих задач, сама по себе требующая постоянного нашего внимания, в достаточной степени разрешается объединением людей в таком масштабе, который позволил бы учредить жюри присяжных для рассмотрения случаев нарушения прав отдельных лиц, состоящих в общине, и для разрешения могущих возникнуть вопросов и споров, относящихся к собственности. Конечно, правонарушителю будет нетрудно ускользнуть за узкие пределы такого юрисдикционного округа; поэтому надо, чтобы соседние общины или юрисдикционные округа с самого начала управлялись Подобным же образом или во всяком случае были бы согласны, независимо от своей формы правления, сотрудничать с нами в деле изъятия или исправления преступника, навыки которого одинаково опасны как для нас, так и для них. Но для этой цели нет надобности в каком-нибудь специальном договоре и тем более в каком-либо общем органе власти. Одинаковые начала справедливости и взаимная заинтересованность сумеют лучше связать людей, чем подписи и печати. Между тем вскоре исчезнет всякая надобность в преследовании преступника с целью его наказания, если только вообще она имеется. Побуждения к совершению преступлений станут редки, случаи их появления будут немногочисленны и строгость при преследовании их излишней. Главной целью наказания является обуздание опасных членов общества; отказ от такого наказания будет возмещен общим наблюдением членов небольшой общины за поведением друг друга, причем порицание, выносимое людьми, будет отличаться своей серьезностью и здравым смыслом, с устранением всякой таинственности и случайности. Ни один человек, в случае обнаружения его порочности, не сможет проявить такую ограниченность, чтобы отказать в признании осуждающего его общего решения, основанного на здравом суждении. Оно заставит его утратить самоуверенность или, что еще лучше, убедит его. Человек будет вынужден силой, не менее отразимой, чем кнут и цепи, исправить свое поведение.

В этом очерке дан в общих чертах план устройства политического управления. Споры между разными общинами в значительной степени окажутся невозможными, поскольку при возникновении какого-либо вопроса, например, о границах, принцип справедливости убедит нас в том, что человек, возделывающий какой-то участок земли, более всех других уполномочен выносить решение о том, к какой общине он желает принадлежать. Никакое сообщество людей, с тех пор как они признают начала разума, не может быть ни в какой степени заинтересовано в расширении своей территории. Если мы желаем вызвать чувство привязанности друг к другу среди членов нашего сообщества, то нет более верного средства, чем веления справедливости и умеренности; если бы они в каком-нибудь случае оказались недейственными, то это могло бы произойти только в отношении недостойного члена общины. Обязанность всякого общества наказывать правонарушителей вытекает не из подразумеваемого согласия правонарушителя подвергнуться наказанию, но из обязанности общества обеспечивать должную защиту.

Хотя предположение о спорах между общинами весьма неразумно при описанном состоянии общества, но они тем не менее возможны. Поэтому надо предусмотреть меры против таких необычайных случаев. Эти случаи по своей природе подобны иностранному вторжению. Им можно противодействовать только посредством соглашения между несколькими округами, провозглашающими и в случае надобности применяющими принципы справедливости.

Эти два случая — вражда между округами и иностранное вторжение, которое должно быть отражено соединенными усилиями всех во имя общих интересов — требуют особого замечания. Оно сводится к тому, что оба эти случая по самой своей природе носят характер временный, и поэтому меры, которые надлежит принять в отношении их, не должны быть в точном смысле слова постоянными. Иными словами, постоянное наличие национального собрания, как это до сего времени практикуется во Франции, не требуется в период спокойствия и даже может оказаться вредным.

Книга V, глава XXII.

7. Об управлении

Мы можем с достаточным основанием заключить, что национальные собрания, или, иными словами, собрания, имеющие двоякую задачу — улаживать споры между двумя округами и совещаться относительно наилучшего способа отражения нападений извне — как бы необходимо ни было в некоторых случаях обращение к ним, все же должны созываться настолько редко, насколько то допускает сущность дела. Они либо должны избираться лишь в чрезвычайных случаях, как диктаторы в древнем Риме, либо же заседать периодически, например, один день в году, с правом, однако, продолжать до известных пределов свои сессии для выслушивания жалоб и представлений от избирателей, их созвавших. Первый из указанных способов много предпочтительнее. Некоторые из приведенных уже соображений рассчитаны на то, чтобы показать, что и выборы, в силу природы их, не следует применять, кроме случаев необходимых. Предложить способы для законного созыва национальных собраний не представляет затруднений. Всего более подходящим было бы в согласии с опытом и навыками прошлого, чтобы всеобщие выборы происходили всякий раз, когда того потребует определенное число округов. Строгой справедливости и простоте всего более соответствовало бы, чтобы собрание происходило для двух округов или для двухсот, в точном соотношении к числу округов, выразивших пожелание о принятии этой меры.

Нет никаких разумных оснований отрицать, что возражения против демократии, раздававшиеся громче всего, совершенно рассеиваются в приложении к только что очерченной форме управления. Тут не кроется никаких возможностей для шумихи, для тирании-массы, упоенной неограниченной властью, для политического честолюбия немногих или для беспокойной зависти и подозрительности остальных. Здесь ни один демагог не смог бы найти подходящего случая превратить толпу в слепое орудие для своих целей. Люди при такого рода общественном строе сознавали бы свое благоденствие и дорожили бы им. Истинная причина, почему масса человечества столь часто становилась жертвой обмана со стороны мошенников, заключается в сложной и таинственной природе социальной системы. Если только уничтожить фокуснические приемы управления, самое

доморощенное разумение окажется вполне подготовленным к тому, чтобы разглядеть хитрости правящих государством шулеров, желающих вовлечь его в обман.

Книга V, глава XXIII. Отрывок.

8. Об уничтожении правительства

Политический авторитет национального собрания.— Присяжные.— Общие выводы.

Нам надо теперь решить, какую власть можно предоставить тому видоизмененному национальному собранию, который мы признали пригодным для нашей системы. Должно ли оно давать распоряжения всем членам конфедерации? Или же достаточно того, чтобы оно пригласило их сотрудничать в общих интересах и путем убеждений и обращений к ним доказало бы разумность предлагаемых мер? Вначале придется действовать первым способом. Позже достаточно будет второго пути. Совет амфикиононов{63} в Греции не обладал никакой властью, кроме той, что проистекала из личного авторитета его членов. По мере того, как будет искореняться партийный дух, как затихнут треволения общественной жизни и упростится политический механизм, получит признание голос разума. Обращение собрания к округам встретит одобрение всех рассудительных людей, кроме, конечно, случая, когда оно будет на столько спорно, что придется его отклонить.

Это замечание заставляет нас сделать еще один шаг. То отличие между приказанием и обращением, которое мы только что пояснили в случае с национальным собранием, может быть отнесено к особым собраниям или к присяжным отдельных округов. Надо думать, что вначале потребуется некоторая доля власти и насилия. Но эта необходимость проистекает не из природы человека, а из учреждения, которые его уже успели развратить. Человек первоначально не порочен. Он не отказался бы выслушивать доводы, обращенные к нему, и позволил бы убедить себя, если бы не привык считать их лицемерными и думать, что его сосед, его отец и представитель политической власти, претендующие на то, что ими руководит только чистое стремление блюсти его интересы, в действительности, соблюдают лишь свои собственные за его счет. Таковы роковые последствия сложности учреждений и опутывающей их тайны. Упростите социальную систему, как это властно диктуется всеми соображениями, кроме стремления к узурпации власти и происков честолюбия, осуществите простые требования справедливости в соответствии со всеобщим пониманием ее, устраните потребность в слепом повиновении, и весь род людской станет разумным и добродетельным. Тогда для присяжных будет достаточно лишь рекомендовать определенный способ разрешения споров, не претендуя на право навязывать решение. Присяжным достаточно будет предложить обидчику отказаться от своих заблуждений. Если в немногих случаях их доводы окажутся недостаточными, то зло, проистекающее из этого, будет менее существенным, чем то, которое происходит от постоянного лишения частных лиц права самим вершить правосудие. Но фактически не произойдет никакой беды, ибо когда господство разума будет общепризнанно, то обидчик либо сам охотно уступит доводам власти, либо, в случае своего сопротивления, он, даже не неся никакого личного ущерба, будет чувствовать такую тяготу от недвусмысленного осуждения общественным мнением и от его неусыпного наблюдения, что будет готов удалиться в другое общество, более сродственное его заблуждениям.

Читатель, вероятно, уже предвосхитил, на основании сказанного, мои конечные выводы. Если в конце концов присяжные перестанут выносить решения и ограничатся предложениями, если воздействие (илы будет постепенно устранено и можно будет полагаться на один разум, то не окажется ли в один прекрасный день, что сами присяжные и все другие виды публичных учреждений могут быть уничтожены как излишние? Не будет ли суждение одного разумного человека столь же действенно, как суждения двенадцати? Не будет ли компетентность одного человека в деле инструктирования своих соседей пользоваться таким признанием, чтобы позволить обходиться без формальностей, связанных с избранием? Разве придется исправлять много пороков и преодолевать много упорства? В этом будет заключаться одна из существеннейших стадий человеческого совершенствования. С каким восторгом должен каждый хорошо осведомленный доброжелатель человеческого рода предвкушать то счастливое время, когда уничтожится политическая власть, этот грубый механизм, служивший вековой причиной человеческих пороков; с самой сущностью власти, как достаточно убедительно показано в настоящей работе, неразрывно связано всякое зло, и оно не может быть устранено иначе, как путем полного ее уничтожения!

Книга V, глава XXIV.

9. О праве

Доводы, которыми его защищают.— Возражения.— Право обладает свойством: 1) Безграничности, в особенности в свободном государстве. — Причины этого порока. 2) Неясности.— Примеры из области права собственности.— Способ, которым его надо изучать.— 3) Мнимой способностью предвидеть будущие события.— Законы представляют собой вид обязательства.— Право препятствует свободе мнений.— Оно разрушает начала разума.— Бесчестность законоведов.— Честный юрист пагубен.— Уничтожение права диктуется требованиями благоразумия.— Спокойствие духа.— Природа человека.— Правосудие в будущем.— Ошибки, которые могут первоначально возникнуть.— Постепенное совершенствование.— Воздействие на уголовное право.— О собственности.

В деле суда над преступлениями есть вопрос, имеющий очень большое значение; это вопрос о методе, которым надо пользоваться при классификации преступлений и при последующем определении степени наказания. Вопрос этот приводит нас непосредственно к изучению права, которое бесспорно представляет собой важнейший предмет, подлежащий ведению человеческого рассудка. В странах, считающих себя цивилизованными, именно право служило до настоящего времени тем критерием, который позволяет оценивать все преступления и правонарушения, подвергающиеся общественному осуждению. Надо добросовестно рассмотреть достоинства такого метода.

Люди, изучавшие этот вопрос, видели с одной стороны право, а с другой — неограниченный произвол деспота и сравнивали их между собой. Но если мы хотим добросовестно оценить достоинства права, то надо изучить его само по себе, а затем, если это окажется необходимым, изыскать наиболее пригодные начала, способные его заменить.

Праву ставят в заслугу, что оно «дает членам общества представление о принципах, которые будут положены в основу оценок их действий». Считается величайшим неправосудием «судить людей на основании закона *ex post facto*{64} или любым другим способом, кроме как по букве закона, формально установленного и правильно опубликованного».

Теперь мы рассмотрим, насколько целесообразно отказываться от этого принципа. С первого взгляда ясно, что он имеет очень большое значение в тех странах, где законодательство произвольно и капризно. Если в какой-нибудь стране будет считаться преступным ношение одежды из определенной ткани или употребление пуговиц известного вида, то естественным будет требование, чтобы законодательство ознакомило членов общества с теми нелепыми правилами, которым оно намерено следовать. Но если общество может удовлетвориться правилами справедливости и не претендует на право искажать или расширять эти правила, то очевидно, что право было бы для него менее нужным установлением. Правила же справедливости можно легче и с большим успехом изучить в процессе живого общения внутри человеческого общества, не связанного никакими путями предрассудков, чем при помощи катехизисов и юридических сводов[27].

[27] См. кн. VI, гл. VIII{65}.

Нет более ясного положения, чем следующее: каждое дело заключает в себе самую свою норму. Никогда два человеческих действия не были совершенно одинаковы, т. е. не обладали одинаковой степенью полезности или вредности. Казалось бы дело правосудия заключается в том, чтобы распознавать качества людей, а не смешивать их, как это практиковалось до сих пор. К чему привела в отношении права попытка вершить правосудие? При появлении новых казусов, право всегда оказывается недостаточным. Как могло бы быть иначе? Законодатель не обладает неограниченной способностью предвидения и не в состоянии определить того, что беспредельно. Таким образом, остается альтернатива: либо исказить право для охвата им такого случая, которого законодатель не предусмотрел, либо же создать новый закон, предназначенный для этого особого случая. В первом направлении делалось очень много. Крюкотворство юристов и искусство, с которым они совершенствуют законы и искажают их смысл, вошли в поговорку. Но хотя они сделали много в этом направлении, однако не всего можно было достигнуть таким способом. Поэтому постоянно возникает потребность в новых законах. Для того чтобы устранить возможность обхода закона, его часто делают многословным, подробным и обстоятельным. Тома, содержащие предписания, постоянно разрастаются, и весь мир не сможет вместить тех книг, которые еще должны быть написаны.

Следствием безграничности права является его неопределенность. А это прямо нарушает принцип, положенный в его основу. Ведь законы созданы для того, чтобы положить конец двусмысленностям и чтобы каждый человек знал, на что он должен рассчитывать. Как же отвечают законы этой задаче? Порой случается, что самый знаменитый адвокат в королевстве или первый юрисконсульт короны заверяет в несомненно успешном исходе моего дела за пять минут до того, как другой служитель права, титулуемый хранителем королевской совести, совершая неожиданный фокус, решает его наперекор моим интересам. Разве исход мог быть таким неопределенным, если бы я должен был довериться

жюри, составленному из моих соседей с их простым, неиспорченным здравым смыслом, отражающимся на их общем представлении о правосудии? Право — это лабиринт без выхода; оно содержит множество противоречий, из которых невозможно выпутаться. Изучение законов позволяет юристу найти в них достаточно убедительные, может быть, даже неопровержимые основания для рассмотрения каждой проблемы в любом аспекте; но предположение, что изучение права может дать знание исхода и уверенность в нем, свидетельствовало бы только о полном безумии.

Другое соображение, доказывающее нелепость права в наиболее общем его понимании, заключается в его пророческом характере. Ведь цель его сводится к предвидению человеческих поступков и к предписанию решений, относящихся к ним. Право стремится не меньше, чем религиозные верования, катехизисы и церковные постановления, привести человеческий рассудок в неподвижное состояние и установить принцип неизменности там, где беспрерывно действует способность к совершенствованию, которая представляет собой единственный благодетельный элемент сознания.

Легенда о Прокрусте{66} дает нам бледное представление о непрерывных усилиях права. Пренебрегая великим принципом натурфилософии, гласящим, что во всей вселенной нет и двух атомов материи одинаковой формы, право стремится свести к одному стандарту человеческие поступки, представляющие результат тысячи изменчивых элементов. Наблюдение над системой права привело к странному изречению, гласящему, что «неукоснительная справедливость часто оказывается величайшей несправедливостью»[28]. В попытке отнести поведение всех людей к нескольким типам не больше настоящей справедливости, чем в попытке свести всех людей к одному масштабу.

[28] Summum jus summa injuria{67}.

На основании всех этих соображений можно без колебаний сделать общий вывод, что право является установлением, несущим самые губительные последствия.

Истинный принцип, который следует подставить на место права, заключается в том, что разум должен осуществлять неограниченную юрисдикцию в отношении обстоятельств каждого судебного дела. С точки зрения благоразумия не может быть никаких возражений против этого принципа. Нельзя предполагать, что не существует сейчас людей, интеллектуальное совершенство которых соответствовало бы уровню, достигнутому правом. Иногда говорят, что оно создано мудростью наших предков. Но это странный самообман; существующие нормы права чаще были продиктованы страстями людей, иногда их робостью, подозрительностью, склонностью к оригинальности и жадной властью, не знающей предела. Но если среди нас есть люди, мудрость которых равняется мудрости права, то нельзя утверждать, что истина, провозглашенная ими, станет менее убедительной от того, что она будет опираться не на власть, а только на разум, подкрепляющий истину.

Каковы бы то ни были неудобства, создаваемые людскими страстями, установление твердых законов не представляет надежного лекарства. Теперь посмотрим, как действовали бы страсти и как они развивались бы в случае, если бы люди были предоставлены на собственное усмотрение. Неопытность и чрезмерное усердие могут побудить меня обуздать

моего соседа в его неправильных действиях путем наказаний и всяческого понуждения, преднамеренно применяемого для исправления заблуждений. Но разум разоблачает безумие такого способа действий и учит меня, что если этот человек не привыкнет полагаться на силу интеллекта, то он никогда не достигнет достойного состояния, свойственного разумному существу. Пока человек находится в оковах послушания и по привычке ждет, чтобы его поведением руководили другие, его сознание и сила духа будут находиться в состоянии дремоты. Если я желаю, чтобы он проявил всю ту энергию, на которую способен, то я должен возбудить его самосознание, научить его не склоняться ни перед какими авторитетами, рассматривать те принципы, которых он сам придерживается, и давать отчет в основаниях своих поступков собственному рассудку.

Навыки, благодетельные для отдельных людей, будут одинаково благотворны и в делах общества. Люди сейчас слабы, потому что им всегда говорили, что они слабы и им не следует полагаться на самих себя. Освободи те их от оков, предложите им изучать, рассуждать и судить, и вы скоро увидите, как они станут совершенно другими существами. Скажите им, что у них есть страсти, что порой они действуют слишком поспешно, несдержанно и неправильно, но что они все же должны сами за себя отвечать. Скажите им, что горы пергамента, в которые их закопали, пригодны только для того, чтобы внушать почтение в век предрассудков и невежества, что отныне мы будем зависеть только от непосредственного чувства справедливости, что если бы даже их страсти были огромны, то они должны применить столь же огромную энергию для их подавления, а если их решения будут несправедливы, то за эту несправедливость ответственны будут они сами. Результат такого положения вещей скоро обнаружится: сознание людей разовьется до уровня требуемого положением, а присяжные и третейские суды проникнутся сознанием важности возложенной на них задачи.

Поучительная картина представится при наблюдении за постепенным установлением правосудия, когда установится тот порядок, который здесь рекомендуется. Возможно, что вначале будет некоторое, небольшое количество решений нелепых или суровых. Но авторы этих решений заплатят непопулярностью я бесчестьем, в чем они сами будут виновны.

Каково бы ни было в действительности первоначальное происхождение права, им вскоре начали дорожить как прикрытием для угнетения. Его неясность вводила в заблуждение вопрошающий взгляд пострадавших. Его древность служила для того, чтобы отвлечь большую часть озлобления от виновников неправосудия на авторов закона, и еще более для того, чтобы укротить это озлобление посредством суеверного почтения к закону. Ведь было хорошо известно, что неприкрытое, обнаженное угнетение не может не пасть жертвой собственных деяний.

Юридические решения, вынесенные непосредственно после отмены права, мало чем будут отличаться от решений, которые выносились во время его господства. Они будут продиктованы предрассудками и привычкой. Но сила воздействия привычки, утратившей тот центр, вокруг которого она накапливалась, начнет постепенно уменьшаться. Лица, которым будет поручено вынесение решений по делам, понемногу поймут, что дела эти переданы им для обсуждения, и неизбежно начнут сами себе задавать вопрос о разумности начал, считавшихся до того бесспорными. Их кругозор будет расширяться параллельно с

тем, как будут расти сознание важности доверенной им обязанности и неограниченная свобода расследования. Тогда начнется новый, многообещающий порядок вещей, результаты которого не могут предвидеть существующие сейчас люди, даже если они проницательны: тогда будет развенчано слепое доверие и начнется эра неомраченного правосудия.

Преступления, совершенно различные по разнообразию видов развращенности, из которой они проистекали, не будут больше соединяться под одним общим именем. Присяжные станут столь же проницательны в различении преступлений, сколь они сейчас не способны распознавать значение разных поступков и характеров.

Рассмотрим результаты отмены права в отношении собственности. Как только рассудок людей начнет понемногу отучаться от жестокого единообразия теперешней системы, они начнут стремиться к справедливости. Предположим, что при таком положении на их рассмотрение будет передано дело о спорном наследстве, на которое претендуют пять наследников, причем по решению суда при старой системе вся спорная собственность должна была быть разделена на пять равных долей. Они начнут с расследования потребностей и положения всех истцов. Предположим, что первый из них окажется человеком с хорошей репутацией, процветающий материально; он почтенный член общества, но новые средства мало прибавят к его полезности или к его радостям. Второй истец — неудачник, гибнущий от нужды и обремененный всякими бедствиями. Третий хотя и беден, но его добродетели дают ему право претендовать на определенное положение, в котором его заслуги могли бы быть очень велики, но которое он не может принять, не владея капиталом в две пятых всего наследства. Один из истцов — это незамужняя женщина, перешедшая тот возраст, когда она могла бы еще иметь детей. Другая истица — вдова без средств и с большой семьей, зависящей от ее поддержки. Первый вопрос, который возник бы перед непредвзятыми лицами, получившими поручение вынести свободное решение относительно распределения наследства, сводился бы к тому, насколько справедливо разделение на равные доли, применявшееся до сих пор. Это был бы один из первых толчков, которые постепенно потрясли бы существующую сейчас систему собственности.

Читатель, прочтя эту главу, не сможет не заметить, что право является только функцией политической власти и должно исчезнуть, когда исчезнет надобность в этой силе, если только воздействие истины не заставит еще раньше искоренить его из человеческой практики.

Версия #1

Зверобой создал 1 апреля 2025 15:01:28

Зверобой обновил 1 апреля 2025 15:07:44